

Маяковский для того и нагнетает «ужасы» революции, чтобы подчеркнуть особую справедливость ее возмездия, страх и проклятия обывателей, на фоне которых более контрастно звучит благословение ее разрушительной силы.

Решительное, несколько футуристическое очищение от прошлого — главный пафос его революционной темы. Он звучит в знаменитом «Левом марше» («В старое ль станем пялиться?»). Со всей решительностью и даже воинственностью Маяковский политизирует свою лирику, искусство вообще, вовлекая его в дело идеологической пропаганды и агитации. Рождаются новые формы лирических обращений — послания, письма, инвективы, марши и даже приказы. Вот, где звучит открытый вызов «эстетике старья», готовность подчинить армейской дисциплине даже творчество.

В первом таком стихотворении «Приказ по армии искусства» (1918) Маяковский не просто призывает художников всех, так сказать, видов на «баррикады сердец и душ», на улицы и площади, заодно предлагая туда тащить рояли и барабаны. Искусство у него должно идти в авангарде собственно военных и трудовых армий и даже вождей революции: «Все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты». И, конечно, самые первые «музыканты» — это футуристы, правда, всего лишь «барабанщики и поэты».

Через три года в «Приказе № 2 армии искусства» уже стихийно озвучивается идея искусства жизнестроения и будущей теории соцзаказа, которые возникнут в теоретической алхимии Лефа. Сам Маяковский, возражая Пастернаку, как лирическому консерватору, говорил: «Вам нравится молния в небе, а мне в уютге».

Примером такой «материализации» лирического чувства может служить минипоэма, патетически опровергающая традиционный мотив «нерукотворного памятника» - «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» (1923).

Продолжение в следующей главе...